

Н.Ф. ШАХМАГОНОВ

*Русские государи
в любви и супружестве*

ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

**Русские государи в
любви и супружестве**

«ВЕЧЕ»

2016

Шахмагонов Н. Ф.

Русские государи в любви и супружестве / Н. Ф. Шахмагонов —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4444-9233-8

В книге повествуется о любовных коллизиях в жизни великих князей, царей и императоров России. Не всем из них удавалось найти счастье в семейной жизни, а если даже такое счастье выпадало, то часто судьба вырывала его из рук. Автор рассказывает о поистине счастливом супружестве Дмитрия Иоанновича Донского и драмах Василия Третьего, о семейных трагедиях Иоанна Грозного и горьком замужестве Екатерины Великой, о двух браках и «платонической любви» Павла Первого, о примерном семьянине и твёрдом государе Николае Первом и о любовных приключениях императора Александра Николаевича, оставивших след в истории России.

ISBN 978-5-4444-9233-8

© Шахмагонов Н. Ф., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Дмитрий Донской и Евдокия Суздальская	6
«Мертвые срама не имут»	6
«Единою душою в двух телах...»	7
Решающие схватки с Мамаем	10
Святая Евфросинья Московская	15
Судьба Владимирской иконы	17
Василий Третий и Елена Глинская	21
Бездетный брак – угроза престолу	21
Второй брак Василия Третьего	24
Грозное рождение Грозного Царя	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Шамагонов

Русские государи в любви и супружестве

© Шамагонов Н.Ф., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Дмитрий Донской и Евдокия Суздальская

«Мертвые срама не имут»

Прежде чем начать рассказ о любовных драмах и трагедиях русских государей – великих князей, царей и императоров, – хотелось бы хотя бы кратко остановиться на примере, достойном восхищения и подражания. Рассказать о семье одного из самых почитаемых и любимых наших великих предков, о Дмитрие Иоанновиче, получившем титул Донского за великую Куликовскую победу, и его супруге Евдокии Дмитриевне.

Начнем же с события, едва не ставшего трагичным для всей Руси, с испытания, которое выпало на то время, когда Дмитрий Иоаннович Донской уже оставил сей мир.

Лето 1395 года выдалось для Русской земли нелегким. Минуло шесть лет, как ушел в лучший мир святой благоверный князь Дмитрий Иоаннович, нареченный Донским. На долю его сына Василия Дмитриевича выпали тяжелейшие испытания – орда Тамерлана ворвалась в пределы нашего Отечества, захватила город Елец, достигла пределов Рязанского княжества и продолжила движение на Москву.

За пятнадцать лет, минувших с кровопролитной битвы с Мамаевой ордой, Русь еще не успела полностью восстановить свои силы, еще не подросли и не окрепли новые воины, ее защитники. Невелика была пока и дружина Московского князя. Берег Оки давно уже стал защитным рубежом Москвы, Коломна же – город, в котором венчались его родители – Дмитрий Иоаннович и Евдокия Дмитриевна.

Василий Дмитриевич и его воины решили стать насмерть на этом рубеже, чтобы враг если и смог бы пройти к Москве, то только тогда, когда не останется в живых ни одного русского витязя.

В эти дни великая княгиня Евдокия Дмитриевна поручила духовенству взять в Успенском Соборе города Владимира знаменитую икону Божией Матери, именуемую «Владимирская», и после молебна крестным ходом перенести ее в Москву для защиты стольного града.

Августа 26 числа, года 1395 от Рождества Христова, москвичи встретили икону на Кучковом поле, и когда вся Россия возносила свои молитвы к Пресвятой Богородице, возглашая: «Матерь Божия, спаси Землю Русскую», свершилось чудо.

В тот же самый день, как потом сообщили сакмагоны – пограничники, наблюдавшие за действиями Тамерлана, – все его огромное войско внезапно, словно по тревоге, снялось со своей очередной стоянки и побежало прочь из русских пределов, впервые не грабя, не сжигая селений, не уводя полон.

Впоследствии стало известно, что в тот самый момент, когда Владимирская икона достигла Кучкова поля, где ныне стоит Сретенский монастырь, Тамерлану, отдыхавшему в ханском шатре, было видение, от которого он пришел в трепет и после которого немедленно призвал к себе всех своих мудрецов. Он рассказал им, как только что видел, словно наяву, огромную гору, с которой шли прямо на него православные святители с золотыми жезлами, а над ними в лучезарном сиянии явилась Сама Царица Небесная, грозя ему и требуя покинуть пределы России.

Мудрецы пояснили, что явилась ему Пресвятая Богородица, великая защитница Русской земли, и что перечить ей никак нельзя. Тамерлан знал, что даже в Яссах Чингисхана – суровом законе, строго исполняемом не одним поколением ордынцев, – было записано требование повиноваться воле Православных Святителей и не трогать православную церковь. Русь была спасена.

«Единою душою в двух телах...»

Ну а теперь настала пора поведать о самой Евдокии Дмитриевне, о том, как стала она супругой великого князя Московского Дмитрия Иоанновича.

Монах Варнава (Санин) писал о Дмитрии Московском: «Скажем несколько слов о молодом князе. У его отца было прозвище – нет, не Московский, а Красный, т. е. Красивый. Скорее всего, и Димитрий тоже был красив. Согласно «Житию Димитрия Донского», был молодой князь крепок, высок, плечист и даже грузен, имел черные волосы и бороду. То же Житие описывает и характер князя: «Еще юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вел, непристойных слов не любил и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал»...

В качестве же основной личной черты автор Жития называет необыкновенную любовь князя к Богу – был Дмитрий «с Богом все творящий и за Него борющийся».

Говорится в Житии и о том, что был князь человеком крайне активным и в то же время практичным. Уже с 13 лет Дмитрий возглавлял военные походы – но при этом проявлял милосердие к побежденному врагу. Известно, что его наставником с детства был митрополит Алексий – энергичный деятель, опытный политик и дипломат. Князь советовался с ним по всем важным вопросам. Родители и единственный брат князя умерли, когда тот был еще подростком.

И конечно, он всегда слушал советов и наставлений отца Сергия Радонежского, великого молитвенника и заступника Русской земли.

Именно Сергий дал добрый совет Дмитрию Иоанновичу просить руки Евдокии Дмитриевны, дочери Суздальского князя Дмитрия Константиновича.

Мой отец Федор Шамагонов, посвятивший многие годы изучению эпохи Дмитрия Донского, исследовал практически все документы того времени и издал в 1981 году роман «Ликуя и скорбя», в котором реставрировал те давние события. В откровенной духовной беседе отец Сергий сказал молодому князю:

«– Браки у князей по любви на небесах свершаются, а на нашей земле ради упрочения царства земного. Верной спутницей твоему отцу была мать... До свадьбы они и не видели друг друга, но с той поры брянские князья всегда с Москвой. Дед твой, Юрий Данилович, взял в жены сестру хана Узбека. Хан Узбек позволил Москве обуздать Тверь.

<...>

Дмитрий поднял голову, опять его черные глаза впились в лицо Сергия. Сергий спокойно выдержал горячечный их блеск.

– А кого ты мне посватаешь?

– Есть невесты у литовского Ольгерда. И сестры, и дочери... Но не смиришь тебе жадность литовского князя, не любо будет ему возвышение Москвы. Есть у тверских князей невесты, но тебе Тверь надо под Москву подводить, и тут тебе не подмога сватовство. Сперся ты о княжении с Дмитрием Суздальским. Первый раз ты побил его, вдруг рядь он сам от ярлыка отказался. Есть у него дочь Евдокия... Здесь сватовство скрепит, что ты силой ставил! Суздаль да Москва, ровно, что Москва и Владимир. Сомкнутся Москва с Нижним Новгородом через Суздаль, Белоозеро с Москвой то ж через Суздаль! Научись делать из врагов друзей – и неодолим будешь...»

Факт остается фактом – на всю жизнь научил отец Сергий князя Московского Дмитрия не спешить обнажать меч против соотечественников, а стремиться из врагов друзей делать.

«Не Суздаль главный враг – враг Орда, не дай хан Амурат ярлыка, в Суздаль и не посмели бы надеяться сесть на стол во Владимире и Москве. Суздальца, его сыновей да брата нет труда повергнуть в прах. Можно со стола согнать, можно и что похуже сделать. Делано! Все бывало.

Князь князя убивал, ослеплял... Но суздальцы и нижегородцы затаят обиду и месть, а готовится час, когда с ними заодно против Орды идти. Имел Дмитрий и весточку от Сергия, что говорено с Суздальцем о сватовстве».

И вот решено. Быть свадьбе, да вот где играть ее? Необычна невеста. Князь Суздальский силен достаточно. Да был бит, но ведь и от ярлыка на княжение в пользу Москвы сам отказался. Понял, что Москва становится центром земель Русских – не мешать, а помогать надо. Ехать для венчания в Суздаль негоже Московскому князю, не по рангу это, но и в Москве венчание проводить тоже не дело. В обиду это Дмитрию Константиновичу. И выбрали Коломну... До сей поры коломчане помнят о том величайшем событии древности. Любой покажет, где то место, на котором свершилось венчание. Неподалеку оно от слияния двух рек российских, Оки и Москвы-реки. Москва-река впадает там в Оку.

И снова обратимся к роману «Ликуя и скорбя»: «Порешили венчаться в Коломне, в дальней крепости, что стоит на стороже от Орды. От Коломны недалек двор великого князя рязанского Олега. На свадьбу зван, да скорее всего не приедет, не забыто, что князь Иван Данилович оттягал Коломну у Рязани. Пусть не едет, но услышит, что съехались в Коломну князья со всех земель, пусть узрит силу, обороняющую Москву. Не грозит сбор в Коломне и тверскому князю Михаилу, выходцу из князей микулинских. Вражда с Тверью давно завязана, неповинен в ней Дмитрий, а не забыта. Дед терзал Тверь, внуку отвечать ли?»

Владыку коломенского, епископа Герасима, привязать, его рука простирается на рязанцев. А он ревнив к Москве, одним глазом на Москву смотрит, другим – на Рязань, так пусть он венчает московского князя и оба глаза к Москве обратит. Коломна встретила князя Дмитрия колокольным звоном».

Сохранились летописные свидетельства о том, как проходила 31 января 1366 года свадьба, и о том, какое впечатление произвели друг на друга Дмитрий Иоаннович и Евдокия Дмитриевна. В романе «Ликуя и скорбя» не литературный вымысел, там – перевод древних текстов на современный художественный язык. Ну разве что слова молодоженов подобраны под то, что произошло на самом деле.

«Евдокия еще не отведала власти, но краем глаза успевала замечать, что юный ее князь говорит твердо, слушают его покорно, склоняются головы и князей и бояр, хоть и безбород князь, а бояре и князья бородачи.

Прятали невесту до часа, пока в храм приехали, в храм вошла в свадебном облачении. Сверкнули радостно глаза жениха, понравилась. Обжег взглядом – любить будет, а то самое страшное, коли не по сердцу жена, тогда мука, тогда тоска, тогда монастырь в конце...

Оковал их пальцы золотыми кольцами коломенский владыка Герасим. Из церкви ехали рядом, в одном возке. На улицах толпы, падает хмель, падает серебро инея на возок.

Князь гладил ее пальцы своей нежной рукой и шептал:

– Какая ты красивая! Люб я тебе?

Князь поцеловал ее ладонь, поцеловал пальцы и вдруг, охватив за плечи, прижал к себе и выпил слезы с глаз поцелуями...

Гридница в хорах коломенского тысяцкого Тимофея Вельяминова не вместила гостей. За большим столом великий князь и великая княгиня. По правую руку от Дмитрия ближние его родичи, а за ними воевода большой и старшие бояре.

По левую руку от Евдокии – ее родичи, отец, мать, братья, суздальские князья да бояре.

А на том, на другом конце стола, самые почетные гости, два великих князя: тверской Михаил и рязанский Олег».

Вот и первые результаты мудрого решения молодого, даже можно сказать юного, Московского князя Дмитрия. Приехали-таки на свадьбу и князь Олег Рязанский, и князь Михаил Тверской. Первый шаг к союзу с ними, хотя и долг, очень долг путь к прочному единству.

«...За полночь пир начал утихать. Старшие бояре, что следили за обычаем, объявили, что пора вести молодых в опочивальню.

Закрылась тяжелая дубовая дверь, окованная медью. Князь заложил засов. В красном углу горела ярким языком лампада, освещая темный лик Спаса, каким видела его Евдокия на черном стяге московского князя, когда он встретил ее у ворот Коломны. В кованом подсвечнике горели три свечи. Мягкие медвежьи шкуры скрадывали шаги, печь дышала жаром. Голубой полог над ложем расшит звездами. Дмитрий скинул с плеч горностаевую приволоку, взял со столика подсвечник с горящими свечами.

– Дай я тебя разгляжу! – сказал он, улыбаясь.

Евдокия закрыла лицо руками, князь отвел ее руки и усадил в кресло. Сел у ее ног, поставив подсвечник на пол.

– Как жить будем, сероглазочка? Как муж с женой или как князь с княгиней? Я полюблю тебя, ты красивая! Не знал я, что ты такая! Для Москвы, для княжества сватали, но надеялся, что так по сердцу придеешься!»

Полюбилась князю Дмитрию юная Евдокия, и она ответила на его любовь искренне. Брак, хоть и выгоден обеим сторонам, оказался, тем не менее, заключен не по расчету, а по любви. И вся дальнейшая жизнь супругов стала тому подтверждением. Современник, кстати, написал о Дмитрие и Евдокии такие слова: «Оба жили единою душою в двух телах; оба жили единою добродетелию, как златоперистый голубь и сладкоглаголивая ластовица, с умилением смотряся в чистое зеркальце совести».

Составитель Жития князя Дмитрия пишет, что бракосочетание юных князя и княгини «преисполнило радостью сердца русских».

И далее продолжает: «Евдокия, несмотря на совсем юный возраст (а ей было всего 13 лет), сразу же проявила себя по отношению к народу по-матерински: помогала погорельцам отстраивать дома, на свои деньги хоронила умерших от чумы». Летописцы отмечали, что она тогда «много милости сотворила убогим».

Дмитрий и Евдокия искренне полюбили друг друга.

«Любящего душа в теле любимого. И я не стыжусь сказать, что двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь. Так же и Дмитрий любил жену, и жили они в целомудрии...» – так говорится о князе и княгине в летописях...

Евдокия Дмитриевна, по воле которой была перенесена в Москву святая икона, еще раз напомнила своим соотечественникам, что «Не в силе Бог, а в Правде».

В «Житии...» далее говорится: «В 1370 г. Евдокия родила первого сына Даниила (он не прожил долго), в 1371 г. – второго, Василия. Так и повелось: каждые полтора года – по ребенку: 8 мальчиков и 4 девочки за 22 года семейной жизни. Князь же бывал в Москве наездами – в перерывах между военными кампаниями.

Следует сказать, что вся жизнь великокняжеской четы проходила под духовным руководством и благословением великих святых земли Русской: святителя Алексия и преподобного Сергия Радонежского, а также ученика преподобного святого Феодора, игумена Московского Симонова монастыря (впоследствии архиепископа Ростовского), который был духовником Евдокии. А преподобный Сергей, кстати, крестил самого Дмитрия и двоих из его детей...»

Надо отдать Дмитрию должное: человек христианских взглядов, он сначала действовал мягко.

Преподобный Сергей Радонежский по просьбе Дмитрия или митрополита Алексея не раз уговаривал других князей примириться и встать под знамена Москвы. И только когда все мирные методы были исчерпаны, московский князь выступал с позиции силы.

Укрепление Москвы обозлило Орду, и поход татар на Русь стал только вопросом времени. Обе стороны стягивали войска.

Решающие схватки с Мамаем

В 1378 году Мамай отправил на Русь тумен темника Бегича. Тумен – 10 000 воинов. Сила по тем временам очень большая. Ведь для того, чтобы собрать равную дружину, время нужно. Нельзя держать в строю такое количество воинов постоянно – работать нужно людям, иначе не поднять земли Русской.

О жестокой битве на реке Воже как-то не любят у нас вспоминать. Историки из ордена русской интеллигенции любят другие сражения, такие, где у нас хоть какая-то, но неудача. Битва на Воже – битва особая.

Помню, как мой отец Федор Шахмагонов реставрировал эти события, сколько литературы перевернул, чтобы понять, каким образом Дмитрию Иоанновичу Московскому удалось наголову разбить врага и победить практически без потерь. То, что описано в романе, вовсе не вымысел – точный расчет, составленные планы и схемы, чуть не сказал, что даже карточки огня приведены – но это уже из нашего времени... Тем не менее очень и очень часто спрашивал он о современной тактике, поскольку есть некоторые принципы ведения боя, которые не меняются даже по мере изменения средств поражения.

В специальных работах, вышедших еще до издания романа, Федор Шахмагонов доказал, что на Руси в преддверии решающей схватки с ордой было развернуто производство ручных и станковых самострелов – в Европе-то они уже активно применялись во многих известных в то время битвах. Описание битвы на Воже сделано на строгой документальной основе.

Вот как происходило это первое победное столкновение с Ордой за долгие, очень долгие годы.

«Развернули перед шатром черное знамя московского войска с белым шитьем Нерукотворного Спаса. Выстроились тумены Бегича. Ударили бубны, посылая ордынцев в бой, снялись первые тысячи. Первые тысячи повел в бой эмир Ковергуй. У него под началом пять тысяч всадников. Его пять рядов должны проломить копья пеших. Он был уверен, что от крика, от конского топота, от конского храпа побегут русы.

Луки готовы пустить стрелы. Ближе и ближе проклятый строй копейщиков. Шевельнулись длинные копья и наклонились встреч лавы всадников. Ковергуй ждал этого, он был уверен, что стрелы достанут русов, копья не защищают от летучей смерти. Тысяча шагов осталась до русов. Почему же их конные не идут навстречу? Стоят, как и пешие. Стоят, а конным стоя принимать удар конных – это гибель.

Никогда еще Боброк не видел и не слышал залпа из четырех тысяч самострелов, не видел и Дмитрий, не видел князь Андрей Ольгердович, не видел Тимофей Васильевич, московский окольничий, ничего не ведали о силе залпа из самострелов князь Олег, Даниил Пронский и рязанский боярин Назар Кучаков.

Звон пружин, опустивших тетиву, заглушил конский топот и визг ордынцев, полет четырех тысяч стрел рванул воздух как громом, удар стрел о цель отозвался горным обвалом. В первую тысячу всадников пришло четыре тысячи железных стрел. Второй ряд ворвался в мятущихся коней, перескочил через павших всадников. Вторая тысяча ордынцев получила еще две тысячи стрел.

И этот ряд Ковергуя был повержен, пал, пронзенный насквозь железной стрелой, и сам Ковергуй.

Третья тысяча всадников вырвалась из смертной полосы, потеряв стройность. Ей дали выровняться, ордынцы успели пустить стрелы, но стрелы были встречены колыханием длинных копий с повязанными у наконечников конскими хвостами и потеряли убойную силу. На расстоянии в пятьсот шагов в тысячу всадников третьей линии пришло еще две тысячи железных стрел.

Остановились бы и четвертый и пятый ряды тумена Ковергуя, да жали на них задние ряды. Четыре тысячи железных стрел в грудь двум тысячам всадников. Залп не по цели, залп по сплошной стене всадников.

Мешая строй, не лавой, а тучей, перекатились еще две тысячи всадников через убитых. Метались кони, бились на земле, топтали раненых. Не шелохнулся строй пеших воинов, стальная дуга наклонилась в напряжении. Достать до копейщиков, другого и нет в мыслях у ордынцев, ярость и отчаяние, отчаяние и ярость. Два залпа один за другим, четыре тысячи железных стрел в упор, с расстояния в двадцать пять шагов. Этот удар не стрел, что удар копий.

Между всадниками тумена Бегича и строем копейщиков не осталось ни одного ряда. Бегич вел своих нукеров, Бегич рвался к пешему строю, Хазибей и Корабалук рвались к конным русам.

Никто не поднимал лука, загорodились щитами от смертоносных стрел, должны они иссякнуть. Бегич не поверил своим глазам. Он слышал, что трубы русов подали какой-то сигнал. Он даже не понял, что случилось, ему сначала показалось, что его конь убыстрил бег. Нет! Конь шел мелкой рысью, пеший строй русов перешагнул через мертвые ряды ордынцев и шел навстречу, выставив копья. Пешие шли на конных, нигде не изломав линии строя длинной в поприще. Так пахари, так ремесленники не ходят, так могли ходить только воины Александра Двурогого. Подумалось было, вот о чем надо предупредить Мамай! Орде конец! Подумалось, и пал Бегич, пронзенный стрелой. Стрела пробила щит, пробила стальное зеркало арабской работы и вышла из спины Бегича. Падая, он видел, что валится небо на его воинов.

Вновь затрубили трубы в стане русов. Дмитрий подал знак к удару конным полкам».

И важный итог, прозвучавший в романе после описания полного поражения врага, настолько полного, что и бежать от русских было почти уже некому. Тысячи полегли в бою, практически не сумев нанести вреда русскому войску.

«Первым заговорил Андрей Ольгердович.

– Видел я, брат мой старейший, много битв... Бился с немецкими рыцарями, ходил на Орду, водил полки с отцом. Скажу, закатилась звезда Орды! С твоим войском готов идти в любые страны, нет силы, способной его остановить, как не было силы, что могла бы остановить войско Александра Македонского.

– Слова твои, брат мой Андрей, радуют мое сердце, – ответил Дмитрий. – Я никуда не собираюсь вести это войско. Создано оно лишениями и смертным трудом, дабы отстоять родную землю. Не для завоеваний оно создано, а оберечь труд наш, землю нашу, детей наших, чтоб не погасла свеча и не пресекся род русский».

Наступил 1380 год. Хан Мамай, взбешенный поражением темника Бегича, два года готовился к тому, чтобы окончательно стереть с лица земли непокорную Русь. По разным оценкам, он собрал войско, превышающее 200 тысяч человек. Дмитрий Иоаннович и его двоюродный брат Владимир Серпуховской смогли собрать не более ста тысяч. Ждали орду... Ждали нашествия, быть может, равного Батыеву. Приходили данные из орды – разведка работала. Ждали сообщений от сакмагонов – так именовалась пограничная стража Древней Руси. «Сакма» по-татарски след – след гнать, то есть обозначать следы ордынские дымами от подожженных копен сена, заранее сложенных вдоль границ на большую глубину.

Дмитрий Иоаннович ездил к преподобному Сергию за благословением. В «Житиях преподобного Сергия Радонежского» говорится:

«Он пришел к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить: ведь он знал, что Сергей – муж добродетельный и даром пророческим обладает...»

А в «Житии Дмитрия Донского, благоверного Великого князя Московского» говорится: «Воздав здесь свое смиренное поклонение Господу Сил, великий князь сказал святому игумену: “Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех

православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар. И вот они идут на мою отчизну, на Русскую землю, разорять святые церкви и губить христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!"

Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: "Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься".

Великий же князь ответил: "Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь пречистой Богоматери!"

И, сказав это и получив благословение, ушел из монастыря и быстро отправился в путь...»

В «Сказаниях о мамаевом побоище» повествуется о начале великого похода Дмитрия Московского против ордынцев: «20 августа 1380 года ясным утром князь с княгиней и детьми молился в соборном Успенском храме, обращался к Пречистой, припадал к раке святого Петра, просил его помощи, а потом перешел в Архангельский собор, где поклонился гробам родителя и деда. Княгиня же великая Евдокия Дмитриевна, и Владимирова княгиня Мария, и других православных князей княгини, и многие жены воевод, и боярыни московские, и простых воинов жены провожали их и от слез и рыданий не могли вымолвить и слова, в последний раз целуя мужей своих. Князь же великий и сам едва удерживался от слез, не стал плакать при людях, но в сердце своем весьма прослезился. И, утешая княгиню свою, так сказал: "Жена! Если Бог за нас, то кто против нас?"

И сел на любимого коня своего, и все князья и воеводы сели на коней своих и выступили из города. Великая же княгиня Евдокия со своею невесткою, Владимировой княгиней Марией, и с воеводскими женами, и с боярынями взойшла в златоверхий свой терем набережный и села на рундуке под стекольчатыми окнами. Ибо в последний раз видит она великого князя, слезы проливая, словно речной поток...»

В канун битвы прискакал от Сергия Радонежского гонец с грамоткой, в которой говорилось: «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не уstraшаясь, – обязательно поможет тебе Бог».

Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых, и промолвил князь: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь в битве с противниками святого твоего имени».

«Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись: ведь видели ока-янные против себя посланный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. Крестonosная хоругвь долго гнала врагов. Великий князь Дмитрий, славную победу одержав, пришел к Сергию, благодарность принеся за добрый совет. Бога славил и вклад большой в монастырь дал».

Евдокия ждала супруга своего в Москве, ждала в тревоге и надежде. Она занималась детьми, подбадривала княгинь и боярынь, чьи мужья вышли в битву с Мамаем.

В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминается ее обращение перед битвой к «княгиням, боярыням, женам воеводским и женам служных».

«Господи, Боже мой, Всевышний Творец, взгляни на мое смирение, удостой меня, Господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Помоги же ему, господи, своей твердой рукой победить вышедших на него поганых половцев. И не допусти, Господи, того, что за много лет прежде сего было, когда страшная битва была у русских князей на Калке с погаными половцами, с агарянами; и теперь избавь, Господи, от подобной беды, и спаси, и помилуй! Не дай же, Господи, погибнуть сохранившемуся христианству, и пусть славится имя Твое святое в Русской земле! Со времени той

калкской беды и страшного побоища татарского и ныне уныла Русская земля, и нет уже у нее надежды ни на кого, но только на Тебя, Всемилостивого Бога, ибо Ты можешь оживить и умертвить. Я же, грешная, имею теперь две отрасли малых, князя Василия и князя Юрия: если встанет ясное солнце с юга или ветер повеет к западу – ни того, ни другого не смогут еще вынести. Что же тогда я, грешная, поделаю? Так возврати им, Господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля их спасется, и они всегда будут царствовать».

То был не традиционный для русских княгинь «плач», а призыв «победить противных супостатов».

Куликовская битва прогремела 8 сентября 1380 года и окончилась полной победой русского воинства. Потери были велики. Преподобный Сергей, предрекал Дмитрию Иоанновичу, что будет «кровопролитие ужасное», но предрек он и победу. Предсказал он также «смерть многих героев православных, но спасение великого князя».

Историк Сергей Михайлович Соловьев отметил: «Летописцы говорят, что такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа... Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением. Когда, говорит предание, великий князь велел счесть, сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михайла Александрович донес ему, что осталось всего сорок тысяч человек... В этой ужасающей сече был ранен и князь Димитрий. Его долго искали по всему полю, усеянному трупами, и, наконец, двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева».

В Житии отмечено, что любовь и молитва жены оберегали, спасали и – помогли выжить князю.

Итак, победа была одержана, но не окончились беды для Русской земли, ослабленной большими потерями воинов. Этим воспользовался хан Тохтамыш, который предпринял поход в 1382 году. Как только разведка сообщила о начале нашествия, Дмитрий Донской отправился в Волок Ламский собирать войско. Евдокия Дмитриевна осталась в Москве с малыми детьми, да еще и в ожидании рождения девятого ребенка. Сразу после родов выехала к мужу.

В Москве было беспокойно. Ждали нашествия татар, ждали новых напастей, возможно даже погибели. Все понимали, что ордынцы не простят того, что Русь вырвалась из-под ига и расправляла крылья.

Чудом удалось вырваться из города, который вскоре был осажден. Стойко держались москвичи, и вскоре Тохтамышу стало ясно, что не взять ему Москвы до подхода Дмитрия Донского, которого он после разгрома Мамая побаивался.

И тогда он пошел на хитрость. Прибывшие под стены Москвы новгородские князья целовали крест в том, что Тохтамыш не тронет никого. Только войдет в Кремль и сразу отправится назад. Разумеется, обещаний ордынцы выполнять не собирались. Едва были открыты ворота и знать, оставшаяся в городе вышла навстречу Тохтамышу, как тут же ордынцы сделали нападение и порубились всех до единого. Москва была разграблена и сожжена. В Кремле горело все, что могло гореть. Были уничтожены древние книги, берестяные грамоты, перебито 24 тысячи жителей. Уцелело не более 6 тысяч.

Бесчинства продолжались недолго. Узнав, что войско Дмитрия Донского приближается к Москве со стороны Волока Ламского, Тохтамыш поспешно бежал.

Нелегкими были и последующие годы. В 1383 году умер отец Евдокии Дмитриевны князь Дмитрий Константинович. А тут еще пришлось время получать ярлык на княжение у нового ордынского хана. Победа на Куликовом поле явилась пока лишь началом освобождения из-под ига. Поездка за ярлыком была крайне опасной. Совершенно очевидно, что Дмитрию Донскому живым из Орды не вернуться. Решили послать старшего сына Василия Дмитриевича, которому едва исполнилось 13 лет. Снова горе для Евдокии Дмитриевны – только оплакала отца, а тут разлука с сыном, да какая. Что ожидало его в Орде?

Хан оставил у себя Василия, потребовав невероятный выкуп – не было таких средств в Москве, еще не оправившейся после Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша.

Лишь в 1386 году Василию был устроен побег. Но взято обещание, что за помощь в организации побега он женится на дочери наместника Литвы Витовта.

Раны, полученные на Куликовом поле, не прошли для Дмитрия Иоанновича даром. Здоровье пошатнулось, и в 1389 году ему стало совсем плохо.

Трогательным было прощание князя с женой и детьми. Княжеский стол он завещал старшему сыну, 18-летнему Василию Дмитриевичу, предупредив, однако, чтобы во всем беспрекословно слушался матери.

В духовном завещании написал: «Приказываю детям своим и своей княгине. А вы, дети мои, живите за один, а матери своей слушайтесь во всем; если кто из сыновей моих умрет, то княгиня моя поделит его удел на остальных сыновей моих: кому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не выйдут... А который сын мой не станет слушаться своей матери, на том не будет моего благословения».

Сердце Дмитрия Донского остановилось в мае 1389 года. Ему не исполнилось и 39 лет.

Погребен победитель Мама в Архангельском соборе Московского Кремля. С тех пор Архангельский собор Кремля стал общей семейной усыпальницей великокняжеских и царских семей Российского государства...

Святая Евфросинья Московская

В сердце Евдокии Дмитриевны кончина мужа отозвалась невыносимой болью, ведь она очень любила его и ласково называла его «свет мой светлый».

Александр Нечволодов в «Сказаниях о Русской Земле» писал: «Мы много видели в Древней Руси добродетельных княгинь и счастливых браков, но брак Дмитрия Иоанновича Московского отличался особым благословением Божиим. Юная княгиня Евдокия была совершенно исключительной женщиной по своей необыкновенной набожности, кротости и глубокой привязанности к мужу...

Конечно, брачный союз таких двух людей, скрепленный глубокой любовью, должен был быть весьма счастлив, и, разумеется, в этом семейном счастье и черпал Дмитрий свои необыкновенные силы для борьбы с теми неожиданными, сложными и чрезвычайно грозными обстоятельствами, которые сопровождали все его великое княжение.

И недаром Дмитрий Донской, почувствовав приближение своей кончины, строго наказал своим детям быть во всем послушными матери и действовать единодушно во славу Отечества, исполняя материнский наказ и материнскую волю».

Сколько усобиц знала Русь, не сосчитать, но Евдокия Дмитриевна сумела удержать своих сыновей от ссор и раздоров. Они любили ее, верили ей и всегда слушались ее, помня наказ своего великого отца.

О достоинствах великой княгини можно говорить много. Важно одно. Нет разночтений в том, что именно она смогла содействовать укреплению централизованной княжеской власти в трудное для Русской земли время. Вполне естественно, это не нравилось врагам единой и могучей Руси, коих, увы, всегда достаточно на нашей земле.

«Ведя строго подвижническую жизнь, – читаем мы в “Сказаниях о Русской Земле”, – Евдокия Дмитриевна, следуя примеру своего мужа, держала это в тайне, а на людях показывалась всегда с веселым лицом, нося богатые одежды, украшенные жемчугом. Конечно, она делала это, чтобы являться в глазах толпы с видом, подобающим высокому званию великой княгини. Однако некоторые злонамеренные люди стали распространять о ней дурные слухи, которые дошли и до одного из ее сыновей – Юрия. Юрий в беспокойстве сообщил о них матери. Тогда Евдокия Дмитриевна созвала детей в молельню и сняла часть своих одежд. Увидя худобу ее тела, изнуренного постом и измученного веригами, они ужаснулись, но Евдокия Дмитриевна просила их не говорить об этом никому, а на людские толки о ней советовала не обращать внимания».

После ухода в мир иной своего супруга Евдокия Дмитриевна основала Вознесенскую женскую обитель. Перед кончиной своей, последовавшей 7 июня 1407 года, она чудесно исцелила одного слепца и приняла иночество с именем Евфросиньи.

В Сказании повествуется, что вступление великой княгини на монашеский путь было ознаменовано Божиим благословением и чудом. Одному нищему слепцу великая княгиня явилась во сне в канун своего пострига и обещала исцелить его от слепоты. И вот, когда Евдокия шла в обитель на «иноческий подвиг», слепец-нищий, сидевший при дороге, обратился к ней с мольбой: «Боголюбивая госпожа, великая княгиня, питательница нищих! Ты всегда довольствовала нас пищею и одеждою, и никогда не отказывала нам в просьбах наших! Не презри и моей просьбы, исцели меня от многолетней слепоты, как сама обещала, явившись мне во сне в сию ночь. Ты сказала мне: завтра дам тебе прозрение, ныне настало для тебя время обещания».

Великая княгиня, будто не замечая слепца и не слыша его мольбу, прошла мимо, но перед этим как бы случайно опустила на слепца рукав рубашки. Тот с благоговением и верою отер этим рукавом свои глаза. И на виду у всех совершилось чудо: слепой прозрел!

Православная церковь причислила Евдокию Дмитриевну к лику святых, и почитается она под именем святой Евфросиньи.

Судьба Владимирской иконы

Ну а теперь возвратимся к тому эпизоду, с которого начато повествование. Евдокия Дмитриевна показала себя величайшей прозорливицей, но она продемонстрировала и знания летописи Русской земли. Ведь совсем не случайно она поручила духовенству принести крестным ходом в Москву именно икону Божией Матери, именуемую «Владимирская».

Удивительная судьба иконы... Написана она самим Лукой-евангелистом на доске стола, за которым трапезовали Матерь Божия со Своим Сыном. Лука преподнес икону Пресвятой Богородице во время Ее земной жизни. Внимательно посмотрев на икону, Она пророчески изрекла: «Отныне ублажат Меня все роды. Благодать Рождшегося от Меня и Моя с этой иконой да будет!»

По мере исхода истинного благочестия на северо-восток в том же направлении перемещалась и икона. В V веке при греческом императоре Феодосии Младшем она перенесена из Иерусалима в Царьград, а в XII веке ее привезли оттуда в дар князю Юрию Владимировичу Долгорукому, который и поместил ее в Вышгородский девичий монастырь.

Вскоре Юрий Долгорукий посадил на княжение в Вышгород своего сына князя Андрея, чтобы тот всегда был рядом с ним – с молодых лет показывал сын необыкновенные способности в государственных и военных делах, в дипломатии. Был он нелицемерно верующим. А потому с великим почтением относился и к главной святыне Вышгородского девичьего монастыря – иконе Божией Матери, тогда еще не имевший того имени, под которым она вошла в славную летопись Русской земли.

Но, видно, в погрязшей в братоубийственной бойне киевской земле не место было святой иконе.

В «Сказаниях о Русской Земле» Александр Нечволодов писал: «В 1155 году с иконой произошло несколько чудесных явлений. Она сама собою выходила из киота, и в первый раз ее видели стоящей среди церкви на воздухе; потом, когда ее поставили в другом месте, она обратилась лицом в алтарь. Тогда ее поставили в алтаре за престолом, но и там она сошла со своего места».

В энциклопедическом духовном издании «Православном букваре» читаем: «Видя множество чудес от принесенной святой иконы Божией Матери, благоверный князь Андрей умолял Пречистую Богородицу открыть ему святую волю Свою. Долго молился Андрей перед святой иконой, имея желание переселиться в Северную Русь, веруя и надеясь на заступление Царицы Небесной. И Пречистая Владычица услышала немолчный вопль Своего избранника и видимым Знамением указала волю Свою, подкрепляя стремление князя идти на Север. И тайно от всех молодой князь со священником и дьяконами весной 1155 года выехал из Киева и, как великое сокровище и благословение Божией Матери, взял с собой Чудотворную Икону».

Писатель рубежа XIX–XX веков, непревзойденный певец русского самодержавия Николай Иванович Черняев в книге «Мистика, идеалы и поэзия Русского Самодержавия» в свое время отметил, что все великое, священное Земли имеет мистическую основу и что этого не могут понять лишь те, кто заражен «республиканскими и демократическими предрассудками», что «мистика Русского Самодержавия всецело вытекает из учения Православной Церкви о власти и из народных воззрений на Царя, как на Божиего пристава».

Сама Божия Матерь, по Промыслу Создателя, посредством Иконы Своей осуществляла высшее Божественное водительство мыслями и делами князя Андрея Юрьевича. Когда князь с молебным пением поднял своими руками чудотворный образ и ночью покинул Вышгород, чтобы отправиться на Север, в Суздальскую Землю, свершилось великое действие, до сих пор еще по достоинству не оцененное.

Чудеса в Вышгородском девичьем монастыре подробно описаны лишь в «Житии...» князя, в «Сказаниях о Русской Земле» Александра Нечволодова и в некоторых духовных книгах. Историки умолчали о них. Впрочем, в эпоху безбожия, которая стартовала задолго до революции, это все уже казалось неправдоподобным, ведь ученые в области естествознания, выполняя заказ ордена русской интеллигенции, отрицали Бога и Божественное в событиях Земной жизни. Но естествознание, как точно отметил Николай Черняев, не могло и объяснить, почему происходят те или иные явления, в том числе и телепатические. Но не могли же безбожники признать, что Вседержителю и Царице Небесной ничего не стоит, если это необходимо, передвигать те или иные предметы, чтобы выказать волю Свою, помочь понять Промысел Божий.

В безграничных возможностях Бога и Божией Матери князь Андрей Юрьевич и его спутники смогли убедиться в пути. Проводник, посланный князем искать брод в разлившейся реке, едва не утонул вместе с конем, но чудом спасся, как указано в «Житии...», по молитве князя, которую тот прочитал перед иконой Божией Матери.

Но главное мистическое событие, повлиявшее на весь ход Русской истории, произошло у нынешнего Боголюбова, а в то время просто пустого места на развилке Владимирской и Суздальской дорог. Именно на развилке лошади, которые везли киот с чудотворной иконой, встали.

В официальной истории говорится, что князь устал и заночевал на развилке. Ночью ему приснилась Пресвятая Богородица, и он на месте ночлега построил церковь и монастырь. В предыдущих главах мы поместили рассказ о тех событиях, которые произошли после останковки лошадей. Именно Явление и Откровение Пресвятой Богородицы заставили князя изменить свой план и повернуть на Владимир, а затем исполнить то, что повелела ему Небесная Владычица.

Но есть и другие источники, подробнее освещающие то события. Описал его и Александр Нечволодов. Вечером 17 июля 1155 года, когда небольшой отряд, состоящий из свиты князя Андрея Юрьевича, сына Юрия Долгорукова, достиг развилки Владимирской и Суздальской дорог, имея по воле князя, возглавлявшего отряд, конечным пунктом своего пути не захоластный в ту пору Владимир, а богатый боярский Ростов, лошади, которые везли киот с чудотворной иконой Божией Матери, взятой князем Андреем Юрьевичем из Вышгородского монастыря, встали. Князь повелел заменить лошадей, но и другие не двинулись с места. И тогда Андрей Юрьевич понял, что дело не в лошадях, а в иконе.

Князь позвал священника Николая, которого взял из нелюбезного ему Вышгорода, в свой любезный Суздальский край, и попросил совершить молебен перед иконой Божией Матери, той самой, что писана самим Лукой-евангелистом и о которой Сама Пресвятая Богородица сказала, что с этой иконой будет благодать Ее и Рождшегося от Нее.

Для молебна раскинули шатер, где и поставили икону. Вся свита участвовала в молебне, еще не осознавая умом, но ощущая сердцем важность свершаемого. Когда перевалило за полночь, князь отпустил свиту и остался перед иконой один, продолжая искреннюю и усердную молитву.

Утомленные дорогой княгиня с детьми, священник, слуги – все уснули. Тишина опустилась на небольшой лагерь. И лишь князь Андрей Юрьевич оставался, преклоненный, перед иконой.

И вдруг, как свидетельствует «Житие благоверного князя», шатер озарился неземным Божественным светом, и Сама Царица Небесная предстала перед Андреем Юрьевичем во всем своем ослепительном великолепии.

«Книга о Пресвятой Богородице» так передает нам священный образ Царицы Небесной: «Она была роста мерного, немного выше среднего; цвет Ее лица был как цвет зерна пшеничного; волосы у Нее были светло-русые и несколько златовидные; глаза ясные, взгляд проника-

тельный, с зрачками как бы цвета маслины; брови немного наклоненные и довольно черные; нос продолговатый; уста, подобные цветку розы, исполненные сладких речей; лицо не круглое и не острое, но несколько продолговатое; руки и пальцы длинные».

Пресвятая Богородица, как гласит предание, явилась князю Андрею Юрьевичу со свитком рукописи, по другим источникам, с хартией в руках и он услышал голос Ее: «Не хочу, чтобы ты нес образ Мой в Ростов. Поставь его во Владимире, а на сем месте воздвигни церковь каменную Рождества Моего и устрой обитель инокам».

Произнеся эти слова, Пресвятая Богородица молитвенно подняла руки, и князь Андрей Юрьевич увидел Христа Спасителя, благословение которого приняла Царица Небесная. Спаситель благословил священное деяние Своей Матери, и видение исчезло.

Князь Андрей Юрьевич застыл пораженный. Он был, отчасти, прежним, но уже и другим, ведь не случайно в руках Царицы Небесной был свиток рукописи. В некоторых источниках, как уже упоминалось, свиток именуют хартией. Хартия же, по трактовке автора «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, документ важного общественно-политического значения. Тем не менее почти никто из историков не обратил на упоминание летописцами о хартии в руках Пресвятой Богородицы, полагая, видимо, такую деталь незначашей.

Но ничего случайного и незначашего в токе событий прошлого не бывает, а тем более их не бывает в событиях священных, событиях высшего порядка. В момент Явления и Откровения Пресвятой Богородицы свиток не материализовался. Он исчез вместе с Царицей Небесной. Но можно полагать, что содержание этого свитка материализовалось в великих делах благоверного князя Андрея Юрьевича, совершенных им во благо единства и могущества Русской земли.

Почему же избран был для милости Божией именно князь Андрей Юрьевич, сын Юрия Долгорукова, почему именно он был удостоен Явления и Откровения Пресвятой Богородицы?

Ответ надо искать в жизни и деятельности князя до того священного момента, в его вере, в его воспитании, в его душевных и духовных качествах, в его характере, в его отношении к людям, в мудрости, в мужестве и отваге, которыми он отличался среди современников.

Все это прекрасно знала Евдокия Дмитриевна, знала она и о том, как почитал первый русский самодержавный государь (не по имени, но по существу) Андрей Боголюбский, знала, что икону эту он брал с собой во многие военные походы и в весьма опасный и важный поход.

Александр Нечволодов писал об этом: «Князь построил здесь (на месте Явления и Откровения Пресвятой Богородицы. – *Н.Ш.*) каменную церковь и монастырь, обнеся все место каменными стенами; скоро новое селение сделалось городом и любимым местом пребывания князя Андрея Юрьевича». Князь дал ему название Боголюбово, отчего и сам был наречен Боголюбским. Он часто говаривал, что Пресвятая Богородица возлюбила это место.

«Икону же он, – читаем далее у Александра Нечволодова, – поставил во Владимире и украсил ее с таким богатством, которое почиталось дивным для его времени... Вера в непрестанную Заступницу и Помощницу молящихся людей распространилась по всей Суздальской Земле, чему особенно способствовали многие чудесные события».

Впоследствии же икона стала называться Владимирской и явилась главной святыней Русской земли, благодаря помощи, неоднократно явленной через нее России и русскому народу в години тяжелых испытаний.

Чтобы увековечить Явление и Откровение Пресвятой Богородицы, Андрей Боголюбский поручил написать икону, на которой отразить события 17 июля 1155 года. Она стала именоваться «Боголюбской».

Когда строительство церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Боголюбове было завершено, князь приказал поместить там Боголюбскую икону Божией Матери и установил ежегодное празднование в честь Явления Пресвятой Богородицы, которое утвердилось в Русской православной церкви.

Святитель Иоанн Ладожский отметил: «На Великокняжеском столе Андрей вел себя не как старший родич, но как полновластный Государь, дающий ответ в своих попечениях о стране и народе единому Богу. Его княжение было ознаменовано многочисленными чудесами, память о которых доселе сохраняется Церковью в празднестве Всемиловитому Спасу 1(14) августа, благословившему князя на его Державное служение.

Сам праздник был установлен после того, как, победив в 1164 году восточных камских болгар, князь, молившийся по окончании сражения, видел чудесный свет, осиявший все войско, исходивший от Животворящего Креста Господня. В тот же день видел свет от Креста Господня и греческий император Мануил, одержавший победу над сарацинами. В память об этих событиях оба Государя и согласились установить церковный праздник.

Тогда же, в 1164 году, был установлен и праздник в честь Покрова Божией Матери, ставший любимым церковным праздником Русского Народа 1(14) октября».

Покров есть праздник национального торжества, великой радости принятия Пресвятой Богородицею под Свой Омофор Святой Руси.

Спустя год Андрей Боголюбский построил знаменитый храм Покрова на Нерли – первый из храмов, посвященных празднику Покрова Пресвятой Богородицы. Этот храм был сооружен как «приношение похвал Богу за победу над врагами и прославление Богоматери, принявшей под Свой Покров Русь Православную».

Само же празднование Покрова Пресвятой Богородицы совершается в память события, происшедшего в X веке.

Вот как описано оно в «Букваре: начала познания вещей Божественных и человеческих»: «Мать Божия со святыми на воздухе молилась за город и затем сняла с Себя блиставшее наподобие молнии покрывало, которое носила на главе Своей и, держа его с великой торжественностью Своими Пречистыми руками, распростерла над всем стоящим народом. И до тех пор пока Пресвятая Богородица пребывала там, видимо было и покрывало. По отшествии же Ее, сделалось и оно невидимо, но, взяв его с Собою, Она оставила благодать бывшим там. Греки ободрились и сарацины, осаждавшие город, были отражены».

Учреждение праздников и возведение храма Покрова на Нерли имели колоссальное значение для Русской земли. Недаром храм этот в устье реки Нерли при впадении ее в Клязьму строился всенародно. В «Букваре...» говорится: «По воле князя Андрея из привозимого белого камня для строительства Успенского собора во Владимире откладывалась десятая часть для Покровской Церкви. Здесь зодчие и мастера сделали булыжное основание искусственного холма, поверхность его облицевали белокаменными плитами. Варвары Батыя не тронули храма, и ежегодный разлив двух рек в течение 7 веков не подмывал основание его. Были некоторые попытки разорить, разрушить этот храм – шедевр мировой архитектуры, но сила Божия сохранила его и поныне».

Андрей Боголюбский стал первым из русских государей, кто всерьез озаботился о сотворении на Руси «симфонии двух властей» – гармоничного сочетания власти светской и власти церковной. Для этого он счел необходимым учредить митрополию Северо-Восточной Руси.

Евдокия Дмитриевна знала, что именно с момента учреждения Праздника Покрова Пресвятой Богородицы Русская земля находится под Святым Покровом Царицы Небесной.

Василий Третий и Елена Глинская

Бездетный брак – угроза престолу

С первым браком Василию Третьему не повезло. Так вот вышло – и выбрал сам и, судя по отзывам современников, любил и чтит супругу свою Соломонию Сабурову. Но наследника она не принесла, а престол нуждается в наследнике, поскольку, не будь его, начнутся раздоры, которые могут привести к междоусобицам, лишь недавно изжитым на Русской земле.

В августе 1505 года в Москве был назначен сбор претенденток в невесты молодого великого князя Василия Третьего – сына Ивана Третьего и Софьи Палеолог. Он был наследником престола, и отец считал, что пора ему уже заводить семью, как-никак шел двадцать седьмой год. Отец его Иван Третий Васильевич, известный в истории как Иван Великий, царем практически не именовался. Василий же Третий впервые официально назван был царем в договоре с императором Священной Римской империи Максимилианом Первым в 1514 году.

Итак, пришла пора женить наследника великокняжеского престола. Ну и женить по обычаям того времени. Итальянский летописец Павел Иовий рассказал о древних тех обычаях: «Московские Государи, желая вступить в брак, повелевают избрать из всего царства девиц, отличающихся красотой и добродетелью, и представить их ко двору. Здесь поручают их освидетельствовать надежным сановникам и верным боярыням, так что самые сокровенные части тела не остаются без подробного рассмотрения. Наконец, после долгого и мучительного ожидания родителей, та, которая понравится Царю, объявляется достойною брачного с ним соединения. Прочие же соперницы ее по красоте, стыдливости и скромности нередко в тот же самый день по милости Царя обручаются с боярами и военными сановниками. Таким образом, московские Государи, презирая знаменитые царские роды, подобно оттоманским султанам, возводят на брачное ложе девиц большею частью низкого и незнатного происхождения, но отличающихся телесною красотой».

Правда, здесь есть одна неточность. Русские государи прежде брали в жены невест из русских княжеских родов, а вот Иван Третий женился на племяннице Византийского императора Софье Палеолог. Здесь же, видимо, впервые случилось то, что в дальнейшем стало обычаем. И невесту выбрал Василий Иоаннович хоть и из боярского рода, но не княжеского.

Русский историк Иван Егорович Забелин в книге «Домашний быт русских цариц» рассказал о традиции, которая была заложена этим браком: «С порядком предварительного выбора по разным местностям нас знакомят отчасти самые грамоты, которые в это время рассылались ко всем помещикам или служилым людям. Из них мы узнаем, что в областные и другие города посылали доверенных людей из окольных или из дворян с дьяками, которые заодно с местною властью, с наместником или воеводой должны были пересмотреть всех девиц назначенного округа. Между тем по всему округу, во все поместья пересылалась государева грамота с наказом везти дочерей в город для смотра. Помещики собирались с невестами – затем избранных везли уже в Москву. Для многих, вероятно, по бедности, этот местный съезд был делом не совсем легким, и потому иные не слишком торопились исполнить царский наказ».

Такой порядок женитьбы в ту пору считался византийским. Именно в Византию свозили самых достойных девиц для представления царям, а они уже в свою очередь выбирали ту, что наиболее пришлась по душе. И лишь в некоторых случаях следовали они обычаям западноевропейским, то есть заключали браки по соображениям политического и дипломатического характера.

4 сентября 1505 года на смотринах невест Василий Третий выбрал красавицу Соломонию Сабурову, причем выбрал, как говорят летописи, из пятисот достойнейших девиц, представленных ему.

О жизни избранницы великого князя известно немного. Было ей пятнадцать лет, летописи свидетельствуют о ее «необыкновенной внешней красоте и великих душевных достоинствах». Привез ее на смотрины отец боярин Юрий Иванович Сабуров.

С нею и был обвенчан Василий Иоаннович, которому уже вскоре суждено было ступить на Московский престол.

Историк Михаил Забелин в книге «Русский народ. Старинный быт» описал царскую свадьбу: «Сначала царица шла в Грановитую палату; ей предшествовал священник и кропил святою водою место, где ей должно было садиться. Там клали сорок соболей, которые были подняты, когда она садилась. Можно полагать, что это был мех, сшитый из сорока соболей. Возле невесты непременно садился кто-нибудь из знатных князей. Когда все это было устроено, посылали сказать царю. Царь отправлял, прежде всего, нареченного отца: тот, вошедши в царицыну палату, кланялся на все стороны, ударял челом будущей государыне и садился на большом месте возле жены своей, если она была здесь.

Посидев немного, этот нареченный отец посылал к царю одного боярина с речью: «Государь Царь и Великий князь всея Руси! Боярин (такой-то) велел говорить: прося у Бога милости, время тебе, Государю, идти к своему делу!» Государь вставал, принимал благословение митрополита и со всем своим поездом шел в Грановитую палату, впереди него шли две духовные особы: благовещенский протопоп с крестом и крестовый недельный священник. Священники кропили водою путь, тысяцкий вел Царя под руку, за ними следовали стольник и стряпчие. Прибывши в палату и благословившись, Царь подходил к своему месту; большой дружок поднимал посаженое близ невесты лицо, а царь садился на его место близ будущей жены. В царских свадьбах венчание происходило после обеда. Как и жених, так и невеста ничего не ели в тот день. В царских свадьбах государя кормили перед сенником в сенях, а царицу, по старинному обычаю, в самом сеннике. Во время кормления новобрачных муж подавал гостям вино, и все пили с поздравлениями. Потом новобрачных укладывали в постель, а гости продолжали веселиться. Музыки не было: только трубили в сурны, били в бубны и накромы. На другой день новобрачных вели с песнями под звуки сурны и литавр в отдельные мыльни. В мыльнях их поили вином, также мыли вином и медом. Царские свадебные обряды продолжались несколько дней. Все подносили царю дары. Зато и Царь в эти светлые, радостные в его жизни дни имел право и возможность щедро вознаграждать всех. Он несколько дней щедро кормил духовенство на дворе, раздавал деньги, рассылал в далекие города молебные грамоты, ездил с молодою царицею на богомолье в монастыри».

Свадьба состоялась. Казалось, главный вопрос укрепления династии решен – нужно ждать наследников. В октябре того же года Василий Иоаннович после смерти своего отца ступил на великокняжеский престол.

Теперь нужно было позаботиться о наследниках. Но увы, проходили годы, а детей у великокняжеской четы не было. Это лихорадило всю семью. Василий Третий запретил своим младшим братьям жениться. Он не мог допустить, чтобы у них появились сыновья раньше, нежели у него. Жестоко? Возможно. Но и необходимо. Только-только начала складываться и укрепляться вертикаль власти, только-только стали забываться раздоры, усобицы. Ведь если бы у братьев появились сыновья, неизбежно возникли бы споры о том, кому править Московским государством. Тут уж забылось бы старшинство братьев. Так бывало не раз.

Что было делать, как выйти из такого сложного положения? Снова и снова поднимался вопрос о расторжении брака с Соломонией, но этому противилась Церковь. Законы были суровы. В случае расторжения брака при живом муже или живой жене, и муж, и жена должны были уйти в монастырь. Но здесь случай особый, ведь муж – государь! Шли годы, но все оста-

валось по-прежнему. Василий Третий, как считают современники, слишком любил свою жену, чтобы решиться на роковой для нее шаг.

Минуло двадцать лет после свадьбы. Василий Третий был уже не молодым – сорок шесть стукнуло. Близились пятидесятилетие. А детей не было. И вот в 1525 году он все же задумался о втором браке, да и вспыхнуло его сердце новой любовью, когда встретил на своем жизненном пути Елену Васильевну Глинскую, которая тоже была красоты необыкновенной, да к тому же было ей тогда лет семнадцать-восемнадцать. Известно, что родилась она, как сообщается в официальной биографии, «около 1508 года».

Много существует версий по поводу того, как все было обставлено в таком, в общем-то, незаурядном случае. Соломонию ждал монастырь.

Боярская дума поддержала решение Василия Третьего развестись с Соломонией и вступить во второй брак. Церковь по-прежнему протестовала.

Так, инок Вассиан прямо сказал государю: «Ты мне, недостойному, даешь такое вопрошение, какого я нигде в Священном Писании не встречал, кроме вопрошения Иродиады о главе Иоанна Крестителя».

Выступили против развода митрополит Варлаам и преподобный Максим Грек. Что же было делать? Какой найти выход? Выполнять требования Церкви и получить междоусобицы или пойти наперекор? Василий Третий поступил жестко. Митрополит Варлаам был лишен сана и был сослан вместе с Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком.

Развод одобрил новый митрополит Даниил. В Псковской летописи записано: «В лето 7031 Князь великий Василей Иоанович постриже княгиню свою Соломонею, а Елену взял за себя. А все то за наше согрешение, яко же написал апостоль: пусть жену свою, а оженится иною, прелюбы творит».

Елена Глинская была дочерью Литовского князя Василия Львовича Глинского. 25 ноября 1525 года Соломонию постригли в Московском Богородице-Рождественском монастыре под именем София.

И вот здесь начинается самое любопытное. Иноземные пасквилянты, в частности, Герберштейн, да и другие, желая очернить русского государя, тут же придумали всякие страсти о том, как жестоко поступили с Соломонией, которая не хотела принимать постриг. С клеветническими выпадами сего лжеца мы еще встретимся на последующих страницах и в последующих материалах. Повторять же страшилки не нахожу нужным. Давно уже известно, что русскую историю писали иноземцы, а как они пишут историю, очень хорошо видно и сегодня – взять хотя бы выдумки о том, кто выиграл войну с фашизмом и кто сбросил атомные бомбы на японские города. Чем нелепее ложь, тем в нее лучше верят – так учил Геббельс. Вот его ученики и стараются ныне. А в ту далекую пору тоже хватало лживых «пропагандистов». По свидетельству «источников из кругов Даниила», Соломония сама, «видя неплодство из чрева своего», обратилась с прошением о постриге. В тех же источниках говорится о внутренней борьбе и сомнениях, которые мучали Василия Третьего – не надо забывать, что он любил Соломонию, по отзывам современников, даже больше и сильнее, чем следовало.

Второй брак Василия Третьего

Итак, Василий Третий женился во второй раз. Женился, ради продолжения рода, ради того, чтобы не окунулось государство Московское в новые смуты и раздоры. Но, увы, первые три с лишним года детей по-прежнему не было. Это породило слухи о том, что государь не способен их иметь, причем распускали слухи те, кто знал истинную причину – на протяжении многих лет государева семья подвергалась систематическому, медленному отравлению, что ныне доказано учеными.

В Археологическом музее «Московский Кремль» хранится таблица отравлений, о которой мы еще поговорим в материале об отравлении Иоанна Васильевича Грозного и его родных и близких.

О родителях Василии Иоанновиче и Елене Васильевне Глинской подробно рассказано в книге «Царь всея Руси Иоанн IV Грозный». Книга, в отличие от обрушившегося на нас подобно паводку нечистот по телесериалу «Иоанн Грозный», вышла под редакцией православного священника Серафима Николаева и не содержит бессовестных выдумок и отвратительной клеветы. Быть может, когда б не пошлый телесериал, и не было б нужды приводить обширные цитаты, но клевету нельзя оставлять без внимания – ее необходимо опровергать. Первая глава так и называется «Благочестивые родители Царя». Узнаем же правду о них, ведь создатели фильма опустили до весьма пошлых сцен, недостойных вообще экрана, а тем паче тех эпизодов, когда представляются на экране государи и государыни. Кстати, Сталин в свое время, требуя от создателя фильма «Иван Грозный», режиссера Сергея Эйзенштейна, честности и точности, говорил по поводу изображенных на экране поцелуев Царя Иоанна:

«– Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю. Так, например, в первой серии неверно, что Иоанн Грозный так долго целуется с женой. В те времена этого не допускалось».

Иван Егорович Забелин в книге «Домашний быт русских цариц» писал: «В своей домашней жизни Московские Государи являлись образцом умеренности и простоты. Они вставали обыкновенно в четыре часа утра и убирались при посредстве постельничих и стряпчих. Умывшись и одевшись, Государь (в книге имеется в виду Великий Князь Василий III Иоаннович. – *Н.Ш.*) шел прямо в крестовую, где его ожидал духовник или крестовый священник и крестовые дьяки; здесь он молился около четверти часа, причем на аналой ставился образ того Святого, память которого праздновалась в этот день. По окончании молитвы священник кропил Государя Святой водой, называвшейся “праздничной”; она привозилась из разных монастырей и церквей всего государства, прославленных чудотворными иконами, и освещалась там в дни храмовых праздников; затем крестовый священник читал духовное слово из особых сборников, составленных из поучений отцов церкви, преимущественно – Иоанна Златоуста. Послушав поучение, Государь посылал ближнего человека спросить Государыню о ее здоровье, если почивал особо, а затем и сам шел к ней здороваться, после чего они вместе отправлялись в одну из своих домашних церквей слушать заутреню, а иногда и раннюю обедню. В это время все бояре, окольные, думные и ближние люди собирались уже во дворец, чтобы ударить челом Государю, а затем и присутствовать в Государевой думе. Поздоровавшись с боярами, Государь шел в сопровождении их всех к поздней обедне, служившейся в девятом часу в одной из придворных церквей. Тут же, после литургии, иногда он принимал и доклады бояр. Затем Государь возвращался в комнату и слушал доклады и челобитные, а в известные дни присутствовал и в думе, в которой обыкновенно бояре сидели, а дьяки стояли; когда же случалось долго заниматься, то Государь приказывал садиться и дьякам. После приема докладов или сидения в думе Государь шел обедать, обыкновенно после полудня, а бояре разъезжались по домам.

Обеденный стол Государя отличался крайней умеренностью, хотя на нем и подавали около семидесяти блюд; но они почти все расходились на “подачи” боярам, окольничим и другим лицам, причем для близких людей Государь иногда сам выбирал известное ему любимое их блюдо. Послеобеденное время назначалось для отдыха; Государь почивал до вечера, часа три. К вечеру во дворец съезжались снова все чины, и в сопровождении их он выходил в верховную или внутреннюю церковь к вечерне, а затем иногда опять собиралась дума и слушались дела. Обыкновенно же, по окончании церковной службы до вечернего кушанья, Государь проводил время со своей семьей и самыми близкими людьми в домашних развлечениях, причем этими развлечениями, кроме чтения и рассказов бывалых людей о далеких землях, были и беседы с так называемыми верховыми (придворными) богомольцами, древними стариками, весьма уважаемыми за их благочестивую старость. Кроме них были слепцы – домрачей, распевавшие былины и песни при звуке домры, а также и бахиры – рассказчики сказок и басен... Свой день Государь оканчивал в крестовой комнате; он молился в ней перед сном около четверти часа».

Как видим, никакой роскоши, никакого бестолкового времяпрепровождения. Любой нынешний даже не перворазрядный коттедж какого-нибудь вора-воротилы превосходит тысячекратно по своей роскоши царские палаты. Русские государи думали не о своем личном благополучии, не о материальных ценностях, а о Державе, и все силы и средства отдавали на ее укрепление.

Александр Нечволодов привел примеры необыкновенной скромности русских государей. Так, после смерти Иоанна Калиты осталось следующее имущество: «двенадцать цепей золотых, девять ценных поясов, шесть золотых чаш, две золотые чары, одно золотое блюдо со жемчугом и камнями, десять блюд серебряных, два золотых сосуда больших, два поменьше и коробочка золотая».

А вот свидетельство о скромности Дмитрия Донского: «Из драгоценных вещей Дмитрий оставил после себя: одну икону, одну цепь, восемь поясов, бармы, шапку золотую, наплечники, два ковша золотых и еще три ценных предмета. Так страшно обеднел, даже в сравнении со своим дедом Иоанном Калитой, один из величайших Русских Государей и европейских полководцев, славный как своей всемирной по значению победой над ордой, так и утверждением нового порядка наследования престола и владения Русской Землей, с целью ее собирания под единой сильной властью Московского князя, по завету своих мудрых предков и первых Святителей Москвы, ее блаженных митрополитов. Эта умилительная бедность домашней обстановки, в которой умер Дмитрий, ясно показывает нам также, насколько он далек был от обогащения, посягая на других князей и приводя их под руку Москвы, во имя собирания воедино своей Родины».

Скромнен был и потомок Дмитрия Донского великий князь Московский Василий III, который продолжал великое дело своих пращуров. Скромнен и набожен.

«В каждый церковный праздник совершалось торжественное богослужение в одном из Кремлевских соборов или же в приходской церкви, на которое Государь совершал богомольный выход в полном блеске своего наряда и в сопровождении всего двора. Особенно торжественно праздновалось Светлое Христово Воскресение, причем в течение всей Святой недели Государь принимал поздравления от людей различного рода занятий и званий, жаловал каждого к руке и оделял всех крашеными яйцами».

Удивительно милосердие и нищелюбие русских государей. В свое время Святой Боговерный князь Андрей Боголюбский пускал по городу Владимиру специальные повозки со съестными припасами для бедных людей. Продукты раздавались бесплатно. А вот сведения о Василии Третьем:

«Накануне или в самые дни великих праздников, на Рождество, на Светлый день, в прощальные дни Масленицы и Страстной недели, особенно же в Великую пятницу, Государь (Василий III) скрытно, только в сопровождении небольшого отряда доверенных слуг, выходил

из дворца в городские тюрьмы и богадельни, где и раздавал из собственных рук милостыню всем заключенным преступникам и пленным иноземцам, а в богадельнях – дряхлым, увечным, малолетним сиротам и всякого рода беднякам, каждому не меньше полтины, а многим по рублю, иным же по два, по три и по пять рублей – деньги огромные по тому времени. Проведав об этом выходе Государя, нищие собирались во множестве по пути его следования, и каждому из них особо он также подавал щедрую лепту из своих рук. Затем нищие собирались тоже у Лобного места, на Красной площади и близ Иверских ворот, где их оделяли от имени Государя доверенные лица; кроме того, они приглашались по некоторым дням на обед во дворцовые палаты, причем Государь иногда и сам обедал за столом “на нищую братию”. В праздник же Благовещения кормление нищих происходило чисто в его собственных комнатах».

Разве не является примером для потомков жизнь русских государей, клевета на которых некоторые недобросовестные авторы звали их в учебниках истории первыми помещиками и эксплуататорами, в то время как точнее и честнее их было бы назвать первыми антипомещиками и антиэксплуататорами.

Очень скромно, по обычаям своих предков, в мире с Богом и Церковью, жил не только великий князь Василий III, так жили Московские государи и после него – в XVI и XVII веках. За свою сравнительно недолгую жизнь (он прожил 54 года) Василий Иоаннович достиг многого: присоединил Псков и вернул Смоленск. Он смирил Казань, посадив там своего хана, и выстроил для облегчения ее завоевания в будущем город Васильсурск.

Вместе с тем Василий III сдерживал, насколько было сил, Крым и всегда вел себя с большим достоинством по отношению его ханов; он был грозой ливонских немцев, Литвы и Польши и с честью поддерживал отношения с папами и правителями Западной Европы. В управлении государством Василий шел по стопам своего великого отца; при этом самым тяжелым для него делом было подавление старых удельных стремлений у нового родовитого боярства, собравшегося в Москве.

Большой набожностью отличалась и Елена Васильевна Глинская. В вышеупомянутой книге говорится, что она постоянно разъезжала по монастырям на богомолье и всюду раздавала щедрые милостыни: «Чтобы заселить пустые местности новых владений, она привлекала переселенцев из Литвы, разумеется, Православных Русских, и давала им земли и много льгот; особенно же заботилась она о выкупе пленных, попавших в руки татар. Елена Васильевна тратила на это огромные деньги и требовала пожертвований от духовенства и богатых монастырей. В 1535 году новгородский епископ Макарий, святитель выдающихся чувств и образа мыслей, прислал ей для выкупа пленных 700 рублей от своей епархии, при грамоте, в которой говорил: “Душа человеческая дороже золота”».

Нельзя не упомянуть и об оценке деятельности Елены Васильевны на посту правительницы России. В книге говорится: «Рассматривая беспристрастным оком четырехлетнее правление Елены Васильевны, мы должны почтить ее память заслуженным уважением, так как деятельность была направлена исключительно ко благу государства и во всем согласовывалась с заветами предшественников ее сына; жесткие и суровые кары, к которым она прибегала, вызывались обстоятельствами и, насколько можно судить, налагались всегда только после должного расследования, а не под влиянием гнева или личного раздражения».

Но все это было позже, когда она осталась одна, а на первых порах супружества тоже немало выпало на ее долю волнений и тревог.

Три года не получалось детей. Царственная чета буквально вымолила своего первенца. «Пискаревский летописец» свидетельствует: «А перед рождением его, Царя Иоанна (IV), отец его, Князь Великий Василий Иоаннович Всея Руси, по обещанию своему для бездетства пошел пеш к Троице в Сергиев монастырь с Великою Княгинею Еленою. И как будет Великая Княгиня близ монастыря между рощею под монастырем, и тут видит: к себе встречно идет чернец прямо к ней, никем не возбраним; и прииде близ ея и кинул ей младенца, и она от страху его паде; и тут

предстоящие ужаснулись, и прииде Князь Великий и повеле нести ее на руках в монастырь, и стали молебны пети и воду святити, а она на много время безгласна лежаща и проглагола о видении и прииде на Москву, чада Великого Князя Иоанна роди в лето 7038».

Вот как пишет об этом в книге «Слово и дело Иоанна Грозного» В. Ерчак: «Предание утверждает, что рождение Наследника Василия III свершилось по молитвам Святого Кирилла Белозерского. В 1531–1533 годах в благодарность Святому Василий III воздвиг в Кирилло-Белозерском монастыре два храма: в честь своего Ангела – Архангела Гавриила и в честь Ангела новорожденного – Иоанна Предтечи. Но был заложен еще один Храм, значение которого еще не всеми осознано. Осени себя Крестным Знаменем, Русский Народ! Этот Храм избрала Царица Небесная для прославления Николая Второго и Иоанна Грозного. В ознаменование рождения сына Василий III заложил храм в селе Коломенском – церковь Вознесения Господня». Летопись сохранила такое повествование об этом событии: «Того же лета совершена бысть церковь камена в Коломенском Вознесения Бога нашего Исуса Христа. Бе же церковь та вельми чудна высотой и красотою, и светлостью, такова не бывала прежде того на Руси. Князь же Великий украсил то дело Святыми иконами и всякою добротою. В лето 7041 (1533) сентября в третий день, во вторник, освещена бысть Вознесения церковь Христова в Коломенском Даниилом митрополитом и Ростовским архиепископом Кириллом и епископом Коломенским, да Сарайским и всеми освещенными Соборы, быша же на освещении том Князь Великий Василий Иоаннович, и с Великой Княгиней Еленою, и со сыном своим Князем Иоанном, и с бояры, и сотвори празднество велие. А пиروаша у Великого Князя в Коломенском Даниил митрополит, и Великого Князя братья и бояры по три дни честно и радостно, и дарил их Князь Великий многими дары».

И завершает свой рассказ Валерий Ерчак пророческими словами:

«Велико значение этого Храма Божиего на путях Святой Руси! Грядет Грозный Царь! Грядет Грозных Сил Воевода!»

Грозное рождение Грозного Царя

Великой Княгине было предсказано, что «родит она сына широкого ума». И вот 25 августа 1530 года в 7 часов утра родился первенец, которого в честь деда нарекли Иоанном.

Это был особенный день... Валерий Шамбаров в книге «Царь Грозной Руси» пишет: «25 августа 1530 года от Рождества Христова над Москвой бушевала ночная гроза. Струи ливня хлестали по кровлям посадских изб и резных теремов, по деревянным настилам улиц и площадей, растекались по дворам... Могучие удары грома рокотали в небе, как боевые литавры, как залпы тяжелых пушек. А ослепительные всплески молний рвали в клочья ночной мрак, отражаясь золотом куполов и крестов святых храмов... Гроза будила и будоражила москвичей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.